

Надежда Черпинская

**Ворон и радуга.
Книга 1**

УДК 82-312.9
ББК 84-445
Ч-45

Черпинская Н.

Ч-45 Ворон и радуга. Книга 1 / Надежда Черпинская. – М.: Литнет, 2026. – 220 с.

ISBN 978-5-521-94016-5

Однажды мать сказала ему, что любовь – это самое важное на свете, это настоящее счастье. И Ворон продолжал верить в её слова, пусть жизнь и пыталась убедить его в ином.

Он умирал уже много раз. Судьба швыряла его на самое дно, но Ворон выбирался. Ведь смирение не для того, у кого есть крылья. Он должен долететь до радуги. И отыскать ту, что встречал лишь во сне, ту, что вывела его из тьмы обратно к свету солнца...

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-94016-5

© Литнет, 2026

© Черпинская Н., 2026

*И я поднимаюсь с колен,
И опять надо мною небо.
И я не могу иначе –
Я снова иду за светом!*

стихи автора

В огне

*Из таких не выходят супруги,
Послушные тихие жены...
Я вхожу в неё, как в Аид,
Каждым вздохом её
Обожжённый...*

Пола Шибеева

– Просто поверь! – снова шепнула она. – Иди ко мне! Дай мне руку!

Она протянула ладонь, ждала.

А он всё не мог решиться...

Как страшно! Провалиться в Лидонское ущелье, как же страшно! Трусом он не был никогда, но сейчас...

– Пойдём со мной! Верь мне!

Верить хотелось. У неё были такие красивые, чистые глаза, что в искренности настойчивого зова невозможно было усомниться. Она не могла ему желать зла, но она звала за собой...

Звала за собой в огонь! Шагнуть в ревущую жуткую стену пламени за её спиной. Верная гибель. Поверить ей? Значит, себе самому перестать верить. Ведь он видит ясно – впереди смерть. Если он доверится, он сгорит. И она, наверное, тоже.

Огненная стена. Он чувствовал раскалённый жар и безумный животный ужас зверя, на которого надвигается лесной пожар. Ждать больше нельзя – надо решать. Ведь огонь не только впереди, не только там, куда она зовёт. Он повсюду: окружает, надвигается, нависает над головой, ревёт за спиной, и вот уже земля под ногами трескается от жара. Огонь всё ближе, и гибель неизбежна. Стоять на месте опасно и бессмысленно.

Он зажмурился и шагнул к ней, вцепился в хрупкую нежную ладонь, как утопающий в обломки утлой лодочки.

– Идём! Держи меня за руку! – в её голосе звенела радость, искрящаяся, как брызги на солнце. – Держи и не отпускай!

Невыносимый жар. Боль, пронзающая насквозь. Чёрная горечь пеплом оседала в душе. Мёртвая холодная тоска, от которой хотелось выть. Всё это навалилось разом.

Но её руки обвили мягко и осторожно. Он уткнулся в её плечо, чувствуя, как лихорадило всё тело.

– Я с тобой, родной мой! Тише! Я с тобой! Слышишь?

От неё пахло свежестью дождя и мягким теплом весеннего солнца. И он чувствовал щекой гладкий шёлк её волос – локоны цвета закатного солнца, цвета меди, цвета зарева, через которое они прошли вместе миг назад. А вот её лицо расплывалось туманным светлым пятном из-за слёз, застилавших глаза, и лишь тихий нежный голос отзывался гулким эхом прямо в сердце. И было в его звучании что-то такое непостижимое, отчего губы сами собой расплзались в улыбке.

Он прижимал её к себе, как самое драгоценное сокровище мира, и думал о том, что никогда прежде не был так счастлив и так несчастлив одновременно.

Он внезапно ясно осознал, что всё это лишь сон – ибо в жизни реальной невозможно чувствовать такое безбрежное счастье и такое безграничное единение. И мысль о том, что всё это лишь ночное видение, что сейчас он проснётся, навсегда потеряв это ощущение и эту женщину, опалила душу не слабее того самого безжалостного огня.

– Я с тобой, родной мой! Навсегда, – снова заверила она.

И эхо её голоса ещё долго звенело в памяти, даже когда время безжалостно стёрло этот дивный образ из сна.

– Эй, ты уходишь?

Тусклый луч, падавший из окна, осветил удивлённое лицо, соблазнительное плечико в пенных оборках кружевной сорочки.

– Нет, ещё нет, – успокоил Эливерт, обернувшись на оклик. – Спи, голубка моя! Сходка у меня сегодня. Но я уйду позже. Ещё только светать начинает...

– А чего тогда подхватился так рано? – она откинулась назад, разметав длинные волосы по белоснежным подушкам.

Он присел на край постели, помолчал задумчиво.

– Сон мне приснился...

– Сон? – сквозь дрему уточнила она.

– Да. Станный сон.

– Страшный? – она, кажется, передумала снова засыпать.

– Страшный, – он покосился на неё, ласково провёл рукой по выглядывающей из-под одеяла коленке. – Мне снился огонь. Пожар.

Молчание в ответ.

– Жуткое пламя. Я не мог выбраться. Думал – сгорю заживо. Я бы и сгорел. Но... Она меня вывела.

– Она? Женщина? – лукаво усмехнулась белокурая красотка.

– Девушка, – кивнул он, не заметив насмешку.

– Красивая?

– Очень... – Эл ещё слышал эхо голоса, звенящего внутри, и это было как наваждение.

– Как я? – она игриво накручивала на пальчик курчавый локон.

– Нет, непохожа на тебя, – он качнул головой, припоминая. – Волосы как языки пламени. Я никогда таких ярких не видел. Удивительная...

Она насупилась сердито, но он уже и сам понял, что заболтался.

– Не такая как ты – ведь таких больше нет, и быть не может, – он улыбнулся восхищённо и подмигнул. – С тобой никто не сравнится, Аллонда, никто и нигде. Даже во сне...

– Давай-ка, Ворон, забирайся обратно в гнёздышко! – она заманчиво откинула в сторону край одеяла. – Может, я и не огненная ведьма, но знаю верный способ уберечь тебя от дурных снов – я просто не дам тебе уснуть...

Это прозвучало многообещающе, и он, смеясь, завалился сверху, целуя её, сопротивляющуюся для вида, всюду, куда успевал дотнуться, тиская, пока желание не накрыло так, что стало не до смеха.

– А возьми меня с собой! – Аллонда игриво обняла за плечи.

– Что тебе там делать? Мужские разговоры... Это будет скучно.

– А может ты просто собрался не к своим друзьям, а к девкам в «Эсендарские сады», а? Поэтому меня не берёшь, хоть я прошу уже столько раз. – Когда она так смешно выпячивала губки, то становилась невообразимо хороша. И ведь наверняка знала об этом, и пользовалась умело. – Пошли бы вместе... Но ты всякий раз бросаешь меня скучать тут одну.

– Красота моя, зачем эти упрёки? – хмыкнул Эл. – Ты знаешь прекрасно, что я любой твой каприз исполню даже раньше, чем попросишь. Но есть законы, по которым негласно живёт вольница. И тебе там не место...

– Ах, вот как? Мне там не место? – фыркнула белокурая, оттолкнув его льющие руки.

– Ну, прости меня! – Эл сгрёб её в охапку. – Я не то ляпнул. Я просто хочу тебя уберечь от всего этого. Голубка моя, зачем тебе всё это знать?

– Я люблю тебя и хочу знать всё о своём любимом, – невинно парировала она.

– И я тебя люблю! И это главное, что тебе надо знать. Я тебя люблю, и это всегда будет так! – Ворон поцеловал её в нос. – А мои воровские дела... Радость моя, не забывай свою светлую голову вся-

кой дрянью! Ну, потерпи ещё немного, прошу тебя! К осени у меня будет достаточно денег, чтобы мы могли уехать отсюда навсегда. И тебе больше не придётся скучать в одиночестве. Мы с тобой купим шикарный дом где-нибудь в Эстиу, где меня ни одна собака не знает. И дни напролёт будем проводить в постели. Я ведь тебе обещал... Подожди совсем немного, просто подожди!

– Так ты точно не к другой? – исподлобья заглянула она в глаза, снова выпятив сочные алые губки.

– Скажи мне, кто захочет пить прокисшее рину, когда перед ним кубок с «Жемчужной лозой»? – усмехнулся он, и холодные серые глаза сейчас лучились теплом.

– Ой, не знаю, не знаю... Хорошее вино способен оценить лишь тот, у кого хороший вкус, – насмешливо бросила красотка.

– По-твоему, у меня вкуса нет? – хмыкнул Эливерт. – Как же я тогда выбрал тебя из всех других? Пожалуй, я знаю, как тебе доказать, что вкус у меня есть...

– Как? – мурлыкнула она, обнимая за шею.

– Я тебе приглядел новое жемчужное ожерелье... Вот и оценишь!

– Как же я люблю тебя, Ворон! – она прижалась к нему, окутывая сладким облаком цветочного аромата. – Ты скоро?

– К полудню вернусь... А вечером пойдём ужинать в «Золотой кубок». Хочешь?

– Беру свои слова обратно – у тебя замечательный вкус, – она послала ему вслед воздушный поцелуй. – Да такого вкуса нет даже у благородных милордов! Удачи, атаман! Я тебя жду...

Утренний Эсендар Ворон любил больше всего.

В тени центральной улицы ещё ютилась свежая ночная прохлада. Камни под ногами искрились, омытые ночным дождём. Но первые мягкие лучики солнца слепили глаза и ласковым прикосновением грели правую щеку. Тихо, сонно, спокойно.

Народ уже просыпался, начинал снова по каменным лабиринтам, спешил успеть по своим делам, пока раскалённый южный полдень не накрыл Великий Город, убивая всякое движение. Летом, в жару, днём, все прятались по своим каменным мешкам, погружаясь в ленивую дрему да потягивая холодное рину. Зато вечером и ночью жизнь кипела, как в ярмарочный день на рынке: шла торговля, люди ходили в гости и, разумеется, в кабаки и трактиры.

Работы в такой толпе и суматохе всегда хватало. Сам он уже давно не промышлял по мелочам, но иногда не мог удержаться, заметив, как у какого-нибудь простофили беспечно болтается на поясе тяжёлый кошель. А ребятки, что ходили у него в подчинении, трудились на совесть – шайка Вифрийского Ворона богателя с каждым днём, лишая покоя стражей порядка.

Солнце лениво выползло из-за величавых колонн Храма Великой Матери, и статуя Милосердной в глубине строения сияла огнём, так что приходилось щурить глаза.

Это свечение снова пробудило в памяти необычный сон. Он, как правило, смеялся над разными суевериями. Но это видение ночью запало в душу, эдакое не просто так приснилось.

Что это всё значило? Пожар – это опасность, ясно-понятно. Надо поосторожничать пока. Мало ли...

А женщина?

Девочка... Красивая тонкая девочка с изумрудными глазами... Странная незнакомка с локонами, как у исчезнувших навеки бессмертных «детей солнца».

Почему она хотела спасти? Почему он ей поверил вопреки рассудку?

И почему в её объятьях было так... как никогда не было с Аллондой?

Ведь он любил её, любил свою белокурую голубку, любил так, как никого прежде. Уже дружки из вольницы подтрунивали, что этак скоро она вовсе обломает крылья Ворону и позабудет тот и небо, и свободу.

А зачем ему теперь небо? Ведь всё небо уместается в её глазах.

Даже лучший друг не мог его понять. Нивирт вовсе бурчал постоянно, что белокурая ведьма Эливерта приворожила, что иначе его одержимость объяснить нельзя.

Эл временами был почти готов с ним согласиться. Если случилось им разлучиться на несколько дней, он делался раздражительным и злым, рычал на всех, кто попадал под руку. И ловил себя на том, что всё время вспоминал о ней: манящие губы улыбались, поддразнивая, насмешливые глаза заглядывали в лицо, он чувствовал её мягкие волосы в своих пальцах, улавливал сладостный запах цветочной воды. Ему чудилось, как она прижимается к нему своей роскошной тяжёлой грудью, что не уместалась в ладони, и возбуждённые соски скользят по коже. Его начинало трясти от этих мыслей, ощущений, незримых прикосновений, и хотелось немедленно оказаться рядом.

И когда он возвращался после таких отлучек, с порога утаскивал Аллонду в спальню. Впрочем, чаще всего, до спальни дойти они не успевали.

Ну да, как всё началось тогда, так и продолжалось по сей день.

Эливерт усмехнулся, припомнив, как он увидел её впервые, и как впервые...

Вот ведь действительно дурак! Безумец! Прав Нивирт, только будучи не в себе, такое выкинуть можно было. Хорошо, что он везунчик каких мало! Теперь они вместе.

Уже почти год он был неизлечимо болен своей белокурой голубкой.

И, скажи кому из вольницы – засмеют, ведь за это время не изменил ей ни разу, ни одну другую девчонку даже не целовал. Куда делось вечное стремление отыметь каждую? С той самой первой встречи – как отрезало. Одно единственное желание осталось...

А ведь всё могло иначе сложиться – Аллонда могла бы выставить его вон. И правильно бы сделала! Но иногда наглость, действительно, второе счастье...